

Посвящается Катрин

Triumph

New Light — John Mayer
lovely — Billie Eilish, Khalid
Heaven In Hiding — Halsey
Love Is Madness — Thirty Seconds To Mars feat. Halsey
In My Blood — Shawn Mendes
Dancing With A Stranger — Sam Smith feat. Normani
I Was Wrong — ARIZONA, Robin Schulz
A Beautiful Lie — Thirty Seconds To Mars
Be Alright — Dean Lewis
Waves — Dean Lewis
Beggin For Thread — BANKS
bad guy — Billie Eilish, Justin Bieber
Was It A Dream? — Thirty Seconds To Mars
Wait By The River — Lord Huron
Dangerous Night — Thirty Seconds To Mars
Rescue Me — Thirty Seconds to Mars
Mercy — Shawn Mendes
Walk Through The Fire — Klergy, BELLSAINT
Seventeen — Younotus, Kelvin Jones
everything i wanted — Billie Eilish
Whatever It Takes — Imagine Dragons

Глава 1

Уже сорок минут я сижу в этом самолете и не замечаю, что он сидит всего лишь в нескольких рядах от меня. Сорок минут, в течение которых я пытаюсь подавить любую мысль о моей семье, а также неприятные ощущения внизу живота. К сожалению, это получается у меня не очень успешно. Поскольку на моем телефоне включен авиарежим и никакие сообщения до меня не доходят, я начинаю рассматривать альбом с недавними фотографиями, где изображены мы с Обри. При этом я около одиннадцати раз прослушала «New Light» Джона Майера. Я люблю эту песню и включаю ее каждый раз, когда меня накрывают неприятные ощущения при мыслях о семье.

Но одиннадцать раз определенно граничат с одержимостью. Сегодня дела совсем плохи, потому что я не знаю, как пережить следующие несколько дней на острове. Это первый раз за четыре года, когда я снова их увижу.

— Извините, есть ли здесь еще один туалет, кроме этого?

Я понизила голос и указала вперед, где над дверью все еще светилась красная табличка с надписью «Занято». Это продолжается уже несколько минут.

Стюардесса в белой блузке приветливо наклоняется ко мне.

— Второй туалет, к сожалению, неисправен.

Она улыбается с сочувствием, но эта улыбка — издержка профессии, а не искренний порыв. Вокруг ее

шеи повязан красный платок с логотипом «Endeavor Air»¹.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить в качестве компенсации за ожидание? Может быть, стакан апельсинового сока?

— Нет, спасибо.

Это очень и очень плохая тема. Слова «выпить» оказалось достаточно, чтобы я испытала резкий порыв сжать свои ноги. Я качаю головой, но делаю это, больше сокрушаясь самой себе, потому что слишком поздно выехала из колледжа и поэтому не успела сходить в туалет в аэропорту. Всего несколько часов назад отчим прислал мне персонифицированный билет на этот рейс, и с тех пор я буквально нахожусь под огромным напряжением.

Всего пару дней, Айви. Ты сможешь.

Я постоянно повторяю себе это. Я повторяю это себе с тех пор, как получила письмо по электронной почте, в котором меня настойчиво просили, чтобы я вернулась домой. После этого я тщетно пытаюсь успокоить свое дыхание. Не знаю, почему отчим хочет меня видеть, но мне придется ехать прямо на этот чертов остров. Мне придется снова увидеться с ним и выслушать, что он хочет мне сказать. И все время буду надеяться, что не столкнусь со своими сводными братьями. А когда это дело, о котором бы ни шла речь, будет сделано, я смогу продолжить вести свою настоящую жизнь. Мою жизнь без семьи Блейкли.

Поскольку другими способами справляться со своими эмоциями у меня не получается, я включаю песню Джона Майера теперь уже в двенадцатый раз. Будь у меня связь, я бы открыла Инстаграм и посмо-

¹ Название американской авиакомпании.

трела видео в «актуальном», где он делает себе смочки айс. Это смотрится абсолютно нелепо, и при этом он выглядит так, словно кто-то поставил ему фингал, но до настоящего времени этому видео удавалось отвлечь меня и заставить улыбнуться. Песня заканчивается слишком быстро, и я вновь ставлю ее на репит, проваливаясь в приятный бит, пока давление на мой мочевого пузырь не становится нестерпимым и не вынуждает меня распахнуть глаза.

Слава богу. Свет над дверью туалета гаснет, и из него выходит одетый в костюм мужчина с седыми волосами и густыми бровями, все еще застегивающий на ходу брюки. Я тут же вскакиваю и бросаю рюкзак на сиденье. Покачиваясь из-за того, что пилот, видимо, как раз пролетает через воздушную яму, я опираюсь то на одно сиденье, то на другое. Из ряда передо мной выскакивает фигура в джинсовой рубашке и тянет за собой спутницу, и я искренне надеюсь, что никому из них сейчас не нужно в туалет. То, что я не узнаю его сразу, что я даже не чувствую его присутствия, теперь кажется мне почти абсурдным, потому что это идеальный момент для драматического саундтрека.

— Извините! — кричу я им вслед, но они не реагируют, и в следующий момент вместе исчезают за дверью туалета. *Пожалуйста, не надо*, умоляю я про себя. У меня гарантированно не получится сдерживаться ни минуты дольше.

Вторая стюардесса обращается ко мне в проход:

— Пожалуйста, вернитесь на свое место. К сожалению, мы попали в зону турбулентности.

Господи, она понятия не имеет, о чем говорит. Если я сейчас же не попаду в туалет, здесь возникнет та еще зона турбулентности. Я игнорирую ее и прохожу впе-

ред, к туалету, дверь которого распахивается с толчком самолета — и мое сердце уходит в пятки.

Мать божья!

Сквозь приоткрытую дверь мой взгляд падает на обнаженную мужскую задницу и пару женских рук, скользящих вверх по ней. В полном шоке я несколько секунд пялюсь на развернувшуюся передо мной картину. Мне кажется, что это, должно быть, сон. Ночной кошмар, который настигает тебя, если ты забыл написать эссе о визуальной культуре и думаешь о том, что профессор Грэм устроит тебе при наихудшем стечении обстоятельств. Во всяком случае, происходящее здесь — худшее, что я могу представить себе прямо сейчас. Я не могу обратиться к ним, не провалившись под землю от стыда, но если этого не сделать, ситуация тут же станет гораздо более неловкой для меня. Я делаю глубокий вдох и робко стучу костяшками пальцев по дверной раме.

— Извините, пожалуйста... — Мое лицо вспыхивает, и мне нужно откашляться. — Мне *очень* жаль, но мне... действительно срочно нужно в туалет, а другой сейчас неисправен, поэтому не могли бы вы позже...

По двери прилетает пинок, и она захлопывается перед моим носом. В тот же момент снова загорается табличка с надписью «Занято», а со стороны сидений доносится писк, сигнализирующий о том, что нужно пристегнуть ремни безопасности.

Кто-то трогает меня за плечо, и я вздрагиваю, словно угодила на электрический забор. Мое сердце начинает биться чаще.

— Если вы хотите подождать, то вам придется пристегнуться здесь прямо сейчас, — объясняет мне стюардесса, откидывая от стены для меня специальное сиденье.

— Хорошо, спасибо.

С пунцовым лицом я присаживаюсь на узкое сиденье и пристегиваю ремень. Мне чертовски хочется провалиться сквозь землю. Я не могу поверить в то, что сейчас там происходит. В то время как я почти надела в штаны, эти двое пролезли в туалет без очереди и теперь стремятся попасть в «Клуб на высоте в милю»¹. Звуки из кабинки с плохой звукоизоляцией являются более чем очевидным доказательством этого.

Может быть, мне стоит записать эти звуки на телефон специально для Обри. В отличие от меня она, вероятно, сочла бы это довольно забавным. О боже, я могу только надеяться, что тому парню не требуется много времени. От этой мысли кровь к моему лицу приливает еще сильнее. Я бросаю взгляд на свои часы. Менее чем через полчаса самолет приземлится в аэропорту Манчестер-Бостон, и как только мы пойдем на снижение, вставать с места снова будет нельзя. Впрочем, мысль о том, что я дотерплю до тех пор, весьма сомнительна. Неужели ситуация может быть еще хуже?

Этот день просто ужасен. От аэропорта до острова около пятидесяти миль сквозь дремучий лес — в течение часа я буду дома. Когда я об этом думаю, мой желудок завязывается в тугий узел. Дом.

Сейчас я жалею, что не осталась в общежитии и не придумала какой-нибудь предлог, из-за которого не смогла бы приехать. Что-нибудь, что могло бы помешать мне когда-нибудь снова перешагнуть через порог этого дома на острове. Но в электронном письме речь

¹ Речь о «Mile High Club» — названии, обозначающем людей, которые занимались сексом на большой высоте.

шла о чем-то срочном, и Ричард Блейкли... Как ни крути, он все еще мой отчим.

Застонав, я сползаю на откидном сиденье и гипнотизирую стрелку на своих часах, чтобы потом снова взглянуть на дверь туалета. Кончиками пальцев я касаюсь коленей, проклиная себя за то, что надела эти обтягивающие джинсы, которые теперь пережимают мне низ живота. В туалете что-то гремит, как будто кто-то стучит в дверь изнутри. Боже мой, все это не может быть правдой! Если мне не повезет, они вот-вот проломают тонкую дверь и рухнут мне на колени. Я подавляю стон и сжимаю зубы.

Когда звуки наконец стихают, я рефлекторно фокусируюсь на стрелке своих часов только для того, чтобы сразу же после этого снова начать стыдливо краснеть. Семь минут. Дверь распаивается настежь, и из нее, пошатываясь, выходит девушка с длинными светлыми волосами и толстым слоем макияжа на лице. Из выреза ее блузки видна татуировка. Приглядевшись, я понимаю, что она значительно старше, чем показалась мне сначала. Я быстро опускаю взгляд, но ситуация, по-видимому, гораздо больше смущает меня, чем ее, потому что она спешит прочь, даже не поправив толком свою одежду. Дверь за ней закрывается — и остается закрытой.

Я понимаю, что эти двое не могли выйти из кабины одновременно ради маскировки, но... Что там до сих пор делает этот парень? Укладывает волосы? Иначе я не могу себе представить, какого черта это длится так долго. Я отстегиваю ремень и поднимаюсь. В тот же момент, когда моя рука хватается за дверную ручку, дверь открывается, и я пересекаюсь взглядом с парой слишком знакомых глаз янтарного цвета. При этом брови над ними удивленно ползут вверх.

— Черт побери, — произносит он.

Это именно то, о чем я сейчас подумала.

Его лицо мне так знакомо, как будто и не было последних четырех лет. Как будто только сегодня утром во время завтрака он сидел напротив меня за столом. Я знаю каждую деталь. Знаю, как появляется ямочка рядом с уголком его губ, когда он ухмыляется. Или как он выглядит, когда из-за злости его брови сдвигаются. Этот маленький шрам на его верхней губе, который придает его улыбке оттенок самодовольства, — я знаю, как он появился, и мысль об этом заставляет испытать меня мучительное чувство вины, которое я быстро подавляю. До сих пор в моей голове звучит его голос, когда он смеется или отпускает язвительный комментарий, и я точно помню каждый раз, когда этот голос издевался надо мной. Это то, о чем я предпочла бы давно забыть.

— Ашер, — удивленно проговариваю я, затем сжимаю губы, чтобы не смотреть на него с открытым ртом. Мое сердце, вдруг упавшее в пятки, бьется слишком быстро.

Правой рукой он проводит по своим чересчур длинным волосам. У него на лице грубая щетина, из-за чего маленький шрам на его верхней губе выделяется еще сильнее. Рукава своей джинсовой рубашки он засучил повыше. Под ней — белая футболка. Не могу понять, шокирован ли он так же, как и я. Если это так, то, во всяком случае, он хорошо себя контролирует.

— Айви, — говорит Ашер, и его кадык двигается, когда он сглатывает. — Ты направляешься на остров? Неужели мой отец заказал билет на этот рейс и тебе тоже?

Означает ли это, что Ричард также позвал домой и его? Но то, как он это произнес: «*Мой отец*»...